
СОЛНЦЕ ВСХОДИТ НА ВОСТОКЕ

Записные мудрецы, часто выступающие в прессе, с большим удовольствием предсказывают Китаю жесткую посадку или даже банкротство в результате, как они считают, чрезмерного роста населения. Они говорят о 8 или 7,5%. Ну, во-первых, любое государство, в том числе и США, хотело бы поддерживать высокий естественный прирост. Без него страдали бы все политики. Наконец, что более важно, цифры, о которых объявляет любое правительство, — это не более чем мираж.

Все данные о росте населения ненадежны. Мне, например, просто не верится, что индийское правительство имеет хоть малейшее представление о том, что происходит в стране, не говоря уж о правительствах Китая или США. В Америке постоянно пересматривают свои показатели, и большинство данных высосаны из пальца. За много лет я научился не обращать на них никакого внимания — это просто упражнения в пиаре.

Когда дело касается естественного прироста, индийцы опираются на сообщения из Китая, чтобы убедиться, что их данные будут выше китайских или по крайней мере одинаковыми. Все разговоры о том, как быстро растет или не растет число жителей Китая, — обычная пропаганда. Съездив туда самостоятельно, я узнал именно то, что мне действительно хотелось знать.

Впрочем, все вышесказанное вовсе не служит Китаю гарантированной защитой от рецессии. Руководители прилагают большие усилия, чтобы сдержать рост населения, и за последние несколько лет делают это гораздо успешнее, чем большинство стран в управлении экономикой. Но, как бы ни были умны эти руководители, при этом они остаются бюрократами, так что кризис не только возможен, но и весьма вероятен. Китаю грозит множество неприятностей. Любой, кто думает иначе, просто не знает истории этой страны и не понимает, как устроен мир. Итак, допустим, в Китае начнется рецессия. Что тогда может случиться? В худшем случае свержение коммунистов.

За десятилетия, прошедшие после Второй мировой войны, из Вашингтона с завидной регулярностью раздаются широковещательные заявления: политики-антикоммунисты мечут громы и молнии, пытаются разобраться, кто потерял Китай. Через несколько лет начнется очередная истерия — все у тех же лиц, которые станут спрашивать, как же так получилось, что у китайцев есть все, а США остались на обочине. Ответ такой: просто китайцы — великие капиталисты. Они продолжают искать возможности и пользоваться ими, как и положено настоящим капиталистам.

Китайцы путешествуют по всему миру и покупают продуктивные активы любого рода: нефтеносные районы, плантации, шахты — все, что найдут, поскольку видят то, что вижу я, а именно недостаток сырья. И таким образом они приобретают множество друзей. Их метод составляет резкий контраст с методами США и старых колониальных стран Европы, которые обычно отбирали все силой, платили существенно ниже стоимости, если вообще платили, а сами третировали местных жителей, указывая им, как жить и кому молиться.

Никто не возражает против того, как бизнесом занимаются китайцы. Они никем не помыкают, а просто появляются в нужном месте с деньгами и говорят: «Давайте заключим сделку. Она выгодна и нам и вам». Сделка заключена, все довольны, и после этого китайцы уезжают. Никакой пропаганды. «Ребята, это просто бизнес — и ничего больше. Не так, как в старые времена».

В Африке китайцев очень любят, потому что они дают лучшую цену. За последние лет десять китайские лидеры посетили почти все африканские страны. Они также привозят руководителей ряда стран этого континента в Китай, организуя у себя масштабные встречи, на которых присутствуют лидеры более чем пятидесяти африканских стран. А вот американский президент только дважды или трижды показывался на африканском континенте.

То же самое китайцы делают в Южной Америке и Центральной Азии. Они покупают все что могут. Совершают массированные набеги, прибирая к рукам минералы и другое сырье, в то время как многие страны, в том числе США, то ли игнорируют, то ли закрывают глаза на то, что сырья в мире осталось мало. Китайцы же мыслят стратегически. Они

присутствуют во всем мире, реагируя на то, что происходит. Именно они сейчас играют роль хороших капиталистов, в то время как Америка как раз ведет себя как агрессивная сверхдержава 1950-х годов — послевоенного периода, в течение которого стране не о чем было беспокоиться.

Конечно, те дни давно позади. Но Штаты этого еще не поняли.

Тратя деньги без выкручивания рук и предоставляя в какой-то степени рабочие места, Китай демонстрирует свою добрую волю и приобретает политическое влияние. Для этой же цели китайцы поговаривают о покупке европейских правительственных обязательств, в то время как Европа сейчас переживает проблемы. Теперь посмотрим на это с китайской точки зрения: допустим, китайцы никогда не получают назад свои деньги ни от Греции, ни от Португалии, ни от кого-то еще. Итак, эти деньги они потеряют. С точки зрения китайцев, это недорогая международная помощь, низкая цена за обретение международного влияния, за появление на международной арене в качестве реальной силы. Даже если случится самое худшее и Китай лишится своих инвестиций, он станет весомой политической силой в МВФ и Всемирном банке. Европейцы будут говорить, что Китай пришел им на выручку, что китайцы — славные ребята, они купили облигации, когда никто другой не мог или не хотел этого сделать.

Америка, может, и купила бы облигации, но у США нет денег: перегруженность долгами снова играет свою негативную роль, как показывают даже исследования Министерства обороны США.

МЫ С ПЕЙДЖ недавно вернулись из поездки в Мьянму. Эта страна, похоже, станет очередным символом упущенных Америкой возможностей.

В 1962 году Мьянма, которая тогда называлась Бирмой, была самой богатой страной мира. И тогда к власти пришел Не Вин, генерал и поклонник нумерологии, за чем последовало пятьдесят лет военной хунты. С тех пор страной управляли астрологи и нумерологи. Не Вин и его последователи объявили о принятии экономической программы советского типа — бирманского пути к социализму. Страна стала закрытой, и с тех пор Мьянма (официальное переименование состоялось в 1989 году) превратилась, конечно, в одну из беднейших стран мира.

Сейчас власть перешла к гражданскому правительству, и после пятидесяти лет скверного руководства, стагнации и международной изоляции Мьянма оказалась там же, где был Китай Дэна Сяопина в 1978 году. Экономика страны одна из наименее развитых в мире. И это одна из самых впечатляющих возможностей для инвестирования, которую только можно придумать: 60 миллионов жителей, большое количество природных ресурсов, образованная и дисциплинированная рабочая сила, выгодное расположение между Индией и Китаем. Я очень хотел инвестировать туда, но ограничения были настолько нелепыми, что, казалось, проще вложить деньги в Северной Корее (о ней речь пойдет позже), и притом не Мьянма, но США виноваты в этой нелепости. Я попросил своего адвоката изучить соответствующие законы, и, похоже, американцу даже произносить слово «Мьянма» — все равно что совершить преступление. Я решился на тяготы получения лицензии от правительства — американского

правительства — на инвестиции в Мьянму, но, как и предполагал, ничего не вышло.

Остальной же мир вливает деньги в эту страну, и другие азиатские государства тоже уже присутствуют на этом рынке. Британцы, колониальное правление которых трансформировало некогда феодальное сообщество, совершенно не считаются там персонами нон грата. Только мы, представители «страны свободных», не принимаем участия в происходящих здесь великих переменах. Все наши конкуренты на всех парах несутся в Мьянму, зная, что там не придется соревноваться с США. Если бы вы, занимаясь нефтью, знали, что не придется соперничать с Exxon, то тоже поспешили бы на такой рынок. Когда американцы наконец смогли принять участие в гонке, остальные уже скупили все лучшие товары.

И это всего лишь один из примеров близорукости американцев. Даже для Ирана, где я размещал инвестиции лет двадцать назад, можно получить американскую лицензию на вклады, если только вы не инвестируете свыше определенной суммы в миллионах долларов. Но когда речь зашла о Мьянме, оказалось, как поняли и я, и мой юрист, что даже простая поездка американского гражданина в эту страну граничит с преступлением — по крайней мере так рассматривает ситуацию правительство США.

Мы с Пейдж въехали в Мьянму как простые туристы, получив визы в Сингапуре. Мы побывали там уже второй раз — проезжали через эту страну десятью годами раньше, во время «Путешествия тысячелетия». В течение обеих поездок мы встречали многих людей на своем пути. Я виделся с президентами банков и главами горнодобывающих компаний, чтобы обсудить перемены, происходящие в Мьянме,

и все были убеждены, что эти изменения реальны; я встречался с главой Торговой палаты (всего несколькими месяцами раньше на этот пост назначало правительство, но этот человек уже был избран самими членами палаты). «Мне нужно соответствовать должности, иначе я потеряю работу», — объяснил он.

Пейдж — увлеченный геммолог. Она уже получила множество сертификатов и постоянно продолжает изучать ювелирные камни, проводит различные тесты. Находясь в Мьянме, где есть месторождения сапфиров, рубинов и нефрита, моя жена смогла продолжить самообразование. Наш друг познакомил ее с одной бирманкой с хорошими связями, которая знала всех в Янгоне. Прослышав об интересе Пейдж к драгоценным камням, ее новая знакомая позвонила нескольким ювелирам, так что в какой-то момент Пейдж оказалась наедине с драгоценностями на сумму от 15 до 20 миллионов долларов: ей разрешили их изучать. Жена была на седьмом небе от счастья!

Как-то раз меня пригласили на ужин, и я, сидя рядом с главой крупного турагентства, рассказывал ему о том, как мы ездили по их стране в 2001 году. Он ответил, что такая поездка была бы невозможной: в 2001 году ее никто бы не разрешил, как, собственно, и сейчас. Я согласился, что это действительно было бы невозможно ни тогда, ни сейчас, но добавил, что мы все-таки сделали это. В доказательство я предложил ему посетить наш сайт. Разумеется, мой собеседник был как гром поражен, что доставило мне большое удовольствие: его неверие снова напомнило мне о том, какой сложной и необычной была наша поездка, и воспоминания о ней стали еще более приятными.

В 2001 году, во время нашего первого посещения Мьянмы, с ней уже вели дела многие страны: Япония, Китай, Малайзия, Россия, Сингапур. Эти государства могли пользоваться множеством природных ресурсов Мьянмы (древесиной, природным газом, золотом, другими минералами), а также делать деньги на неизбежном притоке туристов. Через месяц после пребывания в Мьянме мы встретили в Дели одну американку, которая как раз ехала туда и очень возмущалась, когда мы упомянули, что уже побывали там, заявив, что санкции США запрещают это своим гражданам.

— Почему вам можно, а мне нельзя? — поинтересовался я.

— Потому что я работаю в неправительственной организации. Я еду в Мьянму для изучения ситуации.

— Я тоже, — ответил я. — Почему я должен отправлять в Мьянму вас, чтобы вы изучили тамошнюю ситуацию и все решили за меня?

(Более подробно мое мнение о мошеннических контрактах, которые представляют собой неправительственные организации, а также об американских экспатах, тяготеющих к ним, можно прочесть в «Приключениях капиталиста».)

Когда мы ездили по Мьянме, да и по всему миру в течение трехлетнего путешествия, всюду обнаруживалось, что санкции США неэффективны. Страны — «жертвы» этих санкций наводнялись конкурирующими товарами, а американские продукты исчезали с полок. И страдали от этого вовсе не «агрессивные» страны, а американские рабочие, бизнесмены и налогоплательщики. Сегодня, как мы выяснили во время последней поездки, в Мьянме до сих пор можно найти что угодно. Еще одно десятилетие санкций имело мало успеха.

После прихода к власти нового правительства и обещания демократических реформ США одними из последних объявили о смягчении санкций. Что ж, будем надеяться на это.

Тем временем Мьянма, которая, кстати, примет в 2013 году Игры Юго-Восточной Азии, была избрана президентом Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на 2014 год. Все ее соседи рады происходящим переменам.

В стране организована новая валютная система. Прежняя вышла из-под контроля, и МВФ помог ей в решении этого вопроса. Мьянма — страна наличности. Никаких кредиток, почти нет чеков. Я побывал там в нескольких банках, и, надо сказать, нигде больше ничего подобного не видел (а ведь я бывал во многих местах): заходишь в банк, заглядываешь за стойку и видишь маленькую комнатку, забитую денежными купюрами до потолка!

Когда летом 2011 года мы были в Мьянме, официальный обменный курс составлял 6 кьят за доллар. На черном рынке же давали 800 кьят за доллар. Но в предыдущем году цена на черном рынке была еще на 50% выше — 1200 кьят за доллар. Черный рынок понимал то, что понимаю я: все меняется к лучшему, страна становится более открытой. Черный и валютный рынки чаще всего реагируют первыми. Им уже понятно, что происходит.

В Мьянме и в 2012 году еще нельзя было воспользоваться кредитной карточкой, так что до открытия Игр Юго-Восточной Азии еще предстоят большие перемены. Нельзя пригласить жителей девяти других стран к себе и не разрешать им пользоваться кредитками. Но систему кредитных карт нельзя ввести, если валюта не находится под контролем. Мьянма осознала эту проблему; государство понимает,

что валютный вопрос должен быть решен в первую очередь. Туристы не станут использовать кредитные карты, чтобы покупать на черном рынке, и просто не приедут, если не будет гостиниц. Должны появиться новые отели и рестораны, а следовательно, по мере необходимости и кредитные карты.

В 2007 ГОДУ мы с Пейдж получили разрешение посетить КНДР. Я хотел поехать туда, чувствуя, что назревают перемены, и увидеть их своими глазами. Мы четыре дня провели в стране как туристы; в то время Пейдж уже несколько месяцев была беременна Бэби Би.

Я не люблю путешествовать в группе туристов. Мне нравится ездить одному, прокладывая собственный маршрут, самому решать, куда ехать и что есть. В КНДР такой возможности не было: каждую минуту нашего пребывания там за нами следили правительственные агенты. Проходя по главной артерии Пхеньяна, я увидел парикмахерскую. Мне надо было подстричься, и я проскользнул внутрь. Там сидел пожилой мужчина. Он пришел в ужас, когда появился я и стал показывать руками ножницы. Меня без лишних слов вытолкнул один из правительственных агентов. Он заверил меня, что стрижка не входит в расписание турпоездки.

К 2007 году, кажется, всего около трехсот американцев побывало в Северной Корее после Второй мировой войны — я видел подобную статистику. Почти никому из американцев не разрешали въезд со времени вывода войск генерала Дугласа Макартура в начале 1950-х годов.

Мне было очевидно, что жители КНДР осознают необходимость перемен в стране. И понятно почему. Все северокорейские генералы молодыми офицерами тридцать лет назад

бывали в Пекине, Москве, Шанхае. Теперь они приезжают туда уже генералами, видят, как изменились эти города, и, возвращаясь в Пхеньян, говорят себе: «Только посмотри, что случилось с этими городами, а теперь взгляни на наш: здесь не изменилось ничего, по-прежнему какой-то кошмар».

Руководитель страны Ким Чен Ын получил образование в швейцарской частной школе. Не верится, что тридцатилетний парень, который к тому же сформировался в Европе, вернувшись, скажет: «Мне здесь так нравится: никаких баров, развлечения, машин — ничего».

Эти люди подвергаются влиянию извне и знают, что происходит за пределами страны. Поэтому, на мой взгляд, рано или поздно Северная Корея станет открытой страной. А когда это произойдет, государство превратится во влиятельного игрока на мировой арене. Китайцы уже рвутся в страну. На северо-западе они строят новые мосты, соединяющие два государства. Создаются новые торговые зоны. Перемены в действии.

Повсюду, где бывали, мы видели пропагандистские лозунги типа «Одна страна, две системы», напоминавшие о конце 1990-х, когда Гонконг вернулся в состав Китая. Если верить этой пропаганде, то страна, что бы ни писали в США, мечтает об объединении. Объединенная Корея станет сильной командой в области экономики. Единственные противники этого позитивного шага — США и Япония.

Если Северная и Южная Корея объединятся, Япония столкнется с новым крупным конкурентом, намного более сильным, чем Южная Корея сегодня. Это будет страна с населением от 75 до 80 миллионов жителей, прямо на китайской границе, с дисциплинированной и недорогой рабочей силой

и природными ресурсами на севере и капиталом, опытом и управленческим потенциалом на юге. И она станет угрозой Японии. Стоимость ведения дел в Японии высока и постоянно увеличивается. Помимо всего прочего, в стране больше нет дешевой рабочей силы.

Понятно, по каким причинам Япония возражает против объединения. Однако не очень понятно, почему ее поддерживают США, разве что просто по инерции. Американские бюрократы пребывают в интеллектуальном летаргическом сне, им тяжело изменить свой образ мыслей, и разделенная Корея для них просто данность. В Южной Корее базируются тысячи американских солдат — это целая индустрия, и на ней основан соответствующий бюрократический аппарат.

Подобный же образ мыслей характерен и для изоляции Кубы. Когда-то для нее имелись политические причины, обоснованные или нет, но сейчас на экономической блокаде этого государства настаивает лишь горстка бюрократов и вашингтонских лоббистов, обязанных ей всей своей карьерой.

Большую часть времени они напоминают народным избранникам о кубинских беженцах, голосующих во Флориде, которые на самом деле истинные американцы. Это дети и внуки кубинских беженцев. Им плевать на злого Фиделя Кастро, если они вообще знают, кто это такой. И вновь США сами себя высекли: европейцы, мексиканцы, канадцы, южноамериканцы вливают деньги в Кубу, покупая собственность и делая инвестиции, а мы продолжаем стоять к ней спиной. В конце концов кубинцы, дождавшись нас на берегу острова, перепродадут нам собственность по тройной цене.

Что ж, и тут мы, американцы, живущие в «стране свободных», прибыли к шапочному разбору, потому что наше правительство защищает нас, как оно защищает нас от Северной Кореи. Я скептически отношусь к американской пропаганде относительно «стран-изгоев». Она слишком негативна, и получаемая нами информация (если история нас чему-то учит) наверняка серьезно искажена.

«Но какие могут быть вообще возможности для инвестиций в Северной Корее?» — спросите вы. Я инвестирую в рынки, а если рынка нет, то ищу компании, например китайские или другие азиатские, которые выиграют от открытия границ Северной Кореи. Сейчас мне такие компании неизвестны. Но Северной Корее явно нужны новые фабрики, гостиницы, рестораны и все в таком духе. Сейчас там нет ни мобильных телефонов, ни интернета. Эта страна, как и Мьянма, не имеет ничего — от самых основных товаров и услуг до высоких технологий. Впрочем, в Мьянме есть интернет, но покрытие невелико. И в обеих странах есть мыло, но его мало. Да, есть электричество, но и его мало.

Мне кажется, что туристический бизнес в Северной Корее предоставляет немалые инвестиционные возможности. В КНДР живет всего двадцать пять миллионов, и вряд ли их поездки по миру приведут к туристическому буму, но посещение южнокорейцами северной части полуострова вполне может вызвать бум. Откроется брачный бизнес, тем более что в Южной Корее не хватает молодых женщин. Южнокорейцы порой ищут жен в Лос-Анджелесе или Квинсе, но основным поставщиком жен для них должна стать Северная Корея. Север не страдает от демографической проблемы, которая есть на юге.

Мне не терпится найти способ инвестировать и в Северную Корею, и в Мьянму. Серьезные изменения в этих странах, пожалуй, самое интересное из того, что происходит сейчас и будет происходить в дальнейшем.

Еще одна отрасль, на которую я очень рассчитываю в ближайшие двадцать или тридцать лет, — китайский туризм. Китайцы много лет были лишены возможности путешествовать, и вот теперь она появилась. Китайские граждане легко получают паспорта, вывести деньги из Китая стало несложно. Вспоминаю, как в 1980-е годы в Нью-Йорке вдруг началось нашествие японских туристов на Мэдисон-авеню. Все удивлялись, откуда же они нахлынули. Японцы тогда путешествовали толпами. Что ж, японцев 125 миллионов, а вот китайцев 1,3 миллиарда — в десять с лишним раз больше, и их можно встретить уже по всему миру. И китайцы будут путешествовать не только за рубежом, но и интенсивно исследовать свою страну. Китайский туризм (как внешний, так и внутренний) завоюет солидные позиции.

Недавно я побывал в двух китайских городах. Один из них — Чэнду, столица провинции Сычуань, известный своей кухней и центром изучения больших панд; сюда мы с Пейдж и привезли дочек. 80% больших панд в мире живут в юго-восточной провинции Китая — в Сычуань. В центре изучения панд бывает около сотни тысяч посетителей в год. Был я и в Чанша — семимиллионном городе в южном Китае, столице провинции Хунань. Я отметил, в частности, что все гостиницы были переполнены, а все достопримечательности и места развлечений набиты китайскими туристами.

Когда во время «путешествия тысячелетия» мы с Пейдж ездили по Китаю, на ярмарке в Ланьчжоу мы видели выставку

ледовых скульптур из северо-восточного города Харбина. Мы пропустили красочный Харбинский международный фестиваль снежных и ледовых скульптур, который проводится там ежегодно, но дали себе обещание когда-нибудь все же побывать там... Нам удалось попасть туда с детьми во время китайского Нового года, в 2012 году. Стоял холод, температура ниже нуля держалась благодаря холодным ветрам из Сибири, и мы любовались огромными скульптурами размером с футбольное поле или здание в натуральную величину, любовались памятниками, подсвеченными изнутри, целыми городскими пейзажами, составленными из метровых блоков чистого льда. Хэпши с удовольствием присоединилась к местным, которые, отмечая праздник, жгли фейерверки... Фестиваль привлекает в среднем 100 тысяч посетителей ежегодно.

Вскоре китайский и азиатский туризм ожидает большой скачок. Эта индустрия станет одной из самых быстрорастущих в мире.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

